

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ ПОЭЗИИ Я. КУПАЛЫ
В МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Е. ГЛЕБОВА

У статті розкривається спільність поетики літературної творчості Я. Купали та музично-театральних творів Е. Глебова. Особливу увагу зосереджено на втіленні духовної тематики в їх творчості.

Ключові слова: музичний театр, християнський міфокод, архетип, концепт, духовність.

В статье раскрывается общность поэтики литературного творчества Я. Купалы и музыкально-театральных сочинений Е. Глебова. Особое внимание сосредоточено на воплощении духовной тематики в их творчестве.

Ключевые слова: музыкальный театр, христианский мифокод, архетип, концепт, духовность.

The article reveals the commonality of the poetics of literary creativity Y. Kupala and musical-theater works by E. Glebov. Particular attention is focused on translating the spiritual themes in their work.

Keywords: musical theater, Christian mifokod, archetype, concept, spirituality.

Начало XX века ознаменовано становлением самобытной белорусской литературы, которая, с одной стороны, существует на пересечении мировых культурных традиций, с другой, является цельной и оригинальной.

Как известно, на протяжении столетий систему духовных ценностей человека определяла религия, в то время как в XX веке в череде культурных ниш место христианских ценностей заняли абстрактные понятия гуманизма, либерализма, равенства и братства. «Бог стал в каком-то смысле «конституционным монахом», чья власть передана народу и чьи функции теперь исключительно церемониальные» [1:18]. Ориентация на христианские ценности искусства в целом и литературы в частности была открытой до их тотальной советизации: семидесятилетнего «обезбоживания» не только конкретного современного творчества, но и целой литературной традиции, в которой, несмотря на прикрытые официальными идеологическими штампами, сохранились христианские ценности, раскрыть которые сегодня представляется возможным методами герменевтики – экспликацией скрытых смыслов в произведении.

Вместе с тем, в литературоведении последних лет наблюдается устойчивая тенденция к прочтению отечественной классики сквозь призму общечеловеческих ценностей: преимущественно в проблемно-тематическом русле, высвечивая философский, мифологический, исторический и психологический смысл произведения.

Многогранная христианская аксиология с ее категориями Добра и Правды, Красоты и Любви – основа всей системы духовных ценностей. Любовь, как универсальная эстетическая ценность религиозного смысла, как Божий дар, заложенный в каждом

Божьем создании, соединяет все эти ценности в единую систему христианской культуры. Ее предназначение в мире – в одушевлении земного бытия, трансформации его из первобытной непосредственности до возвышенной духовности. Белорусские поэты начала XX века отражают живую христианскую идею, как бы возвращаясь к апостольским временам, ищут не мёртвого бога философов, а живого Христа.

Идеи, осмысленные как универсальные и значимые ценности, позволяют представить отечественный литературный процесс полноценной частью мировой истории культуры.

Одним из примеров воплощения подобного рода «христианских кодов» может послужить поэтическое наследие Я. Купалы (1882-1942 гг.) – неисчерпаемый источник не только для исследователей-искусствоведов, но и для многих поколений поэтов. В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием А. Сыса: «Пока живешь, поставь перед Купалой свечку» [1:21].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что Я. Купала был не только поэтом-демократом, певцом мужицкой судьбы, но и национальным Мессией, поэтом-философом, мыслившим в планетарном масштабе и затрагивающим проблемы глобального значения: «пророк и толпа», «поэт и народ», выдвигая вопросы человеческого бытия, жизненного предназначения, судьбы.

При этом Я. Купала как никто другой из поэтов того времени смог перевести Библию на язык художественной литературы, о чем свидетельствуют многочисленные отечественные исследования. Так, например, белорусские купаловеды характеризуют поэму «На Кушцу» как одно из самых сложных по насыщенности символами его сочинений. Такое восприятие можно трактовать не только тем, что автор использует христианскую символику, часто непонятную современному читателю. Поэма является цельным произведением со сквозной идеей, которой и подчинены все образы. Евангельская надежда на возможность спасения человеческой души и становится основной идеей этой поэмы. Для Я. Купалы на первом месте находится истина, которую и несет первый гонец: именно знание истины делает человека свободным. И это одна из центральных идей не только купаловской поэмы, но и христианства. Потеряв истину, человек превращается в раба, как на духовном, так и на физическом уровне. Исчезает самоуважение, ощущение собственной значимости, необходимость защиты собственного мира. А потом исчезает и «песня» в самом широком значении этого слова.

Уже с первых шагов в литературе Я. Купала выступает глубоко верующим человеком, о чем свидетельствует самое раннее из известных нам стихотворений поэта, написанное на польском языке («Modlitwa», 1903 г.).

Это стихотворение опровергает мысль не только о «стихийном купаловском атеизме, но и об определенной индифферентности поэта в отношении к Богу» [2:48].

Однако, будучи человеком светским, Я. Купала, в отличие от поэтов духовно-клерикального направления, постигал христианские постулаты веры опосредованно: через органическое отражение мировоззренческих ориентиров лирического героя.

Его лирический герой в своем материальном и метафизическом существовании естественно включен в систему обрядов и праздников христианского литургического года, последовательно и искренне исполняет этот ритуал. Он никогда не подвергает сомнениям сам факт существования Высшей Силы, Бога, который создал этот мир и руководит его правами, предопределяет все, что есть и будет.

Вместе с тем, христианская символика в поэзии Янки Купалы соотносится с конкретными проблемами общественной жизни, национально-политического освобождения.

В ряде произведений купаловские герои стремятся преодолеть сложность и замкнутость земной экзистенции: некоторые из них идут путем самовозвышения, эгоцентризма и самоизоляции. Так, например, Машека, центральный персонаж поэмы «Могила льва» (1913 г.), из романтического народного мстителя перевоплощается в разбойника, одержимого манией.

Именно с этого произведения начинается процесс воплощения творчества Я. Купалы в крупных сочинениях Е. Глебова. Увлеченный драматургически острым сюжетом поэмы «Могила льва» композитор еще в студенческие годы создаёт программную «Поэму-легенду» («Машека» (1955 г.)), со свойственной ей предметностью, конкретностью, проступающей в яркой, зримой образности, в повышенном внимании к сюжетному повествованию. Наряду с Первой симфонией («Партизанской» (1958 г.)) «Поэме-легенде» суждено было стать важным этапом на пути формирования театральных констант в творчестве Е. Глебова.

Драматическая поэма «Сон на кургане» (1910 г.) – первое в творчестве Я. Купалы обобщение библейских эсхатологических образов и мотивов. Их суть – в предчувствии катастрофичности грешного мира, пафосное утверждение его социального и духовного обновления на основе христианских идеалов и ценностей.

Герой купаловской поэмы Сам рвет связи с людьми и человечеством и в полном одиночестве начинает трансцендентально-мистическое путешествие, которое происходит в бесконечном сне, насланном русалками.

Примечательно введение в поэму архетипа волшебного музыканта и евангельского Лазаря бедного в образе сказителя, гусляра, дударя, звонаря, наконец, социального бунтаря, который сзывает народ, как «литературной сублимации обоснованных претензий мастеров классической литературы на пророчество, духовное и общественное лидерство, творение виртуального мира в условиях нереализованных идеалов возрождения белорусской национальной государственности» [4:401]. Эта традиция проявилась не только в поэзии Я. Купалы, но и в произведениях Я. Коласа, а также в творчестве их последователей.

В творчестве Я. Купалы есть фрагменты, которые свидетельствуют о том, что поэт программно, а не стилистически вводил евангельский архетип: так в заключительных разделах поэмы трагический герой Сам (alter ego поэта) под аккомпанемент лиры поет пророческую песню про спасение Беларуси – выступает в роли Лазаря бедного – пророка и лидера освободительного движения.

Драматическая поэма «Сон на кургане», наряду с «Могилой льва», «Курганом» и «Драматической поэмой» послужат литературной первоосновой и для двух балетов Е. Глебова «Избранница» (1969 г.) и «Курган» (1982 г.), высвечивая глубинный смысл христианского мифокода, намеченного уже в «Альпийской балладе» (1967 г.)

Христианский мифокод балета «Альпийская баллада», который явно проступает благодаря сюжетной канве повести В. Быкова, в то же время вызывает широкий круг ассоциаций, причём не только с музыкальными опусами, но и с произведениями живописи, литературы, кино и театра, отражающими осмысление *подвига человека* в исторический период Великой Отечественной войны как жертвенной смерти во спасение ближнего.

В балете «Курган» Гусляр (следуя сюжету народного придания и поэмы Я. Купалы) *жертвует* жизнью за песню-правду о своём народе – его живым закапывают в землю, и на том месте вырастает курган, как символ победы и памяти. Вместе с тем, «мотив» акцентируется и на паратекстуальном уровне, будучи заключён в названии («Курган»).

Доминантное значение в этой образно-семантической системе констант имеет образ *Героя*, представленный целой галереей образов – Мария, Машека, Иван, Тиль, Принц. Это правдоискатель, борец за справедливость, который вступает в неравный бой со Злом и одерживает победу, как правило, погибая (кроме Машеки). Как уже ранее говорилось, центральное место в мифологических сюжетах о Героях занимает обряд *инициации*, глубинный смысл которой – познание себя, постижение неких тайн бытия и сознания, после которых герой должен, по словам Дж. Кэмпбелла: «вернуться к нам преобразённым и научить нас тому, что узнал об обновлённой жизни» [5:29].

В театральной поэтике Е. Глебова этот обряд проявляется в двух вариантах: либо в своеобразном «посвящении» в зрелость (в «Избраннице»), либо в *смерти* героя как человека Настоящего и *Возрождении* как совершенного человека Вечности (в «Альпийской балладе», «Тиле Уленшпигеле», «Маленьком принце»).

В балетных опусах Е. Глебова ритуал инициации Героя неотделим от присутствия концепта *Зло*, который для композитора представляет собой своеобразный «опыт гибели, разрушения, предчувствия смерти, наличия силы, оказывающей сопротивление не только нашим планам и чаяниям, но и самому нашему бытию [...] нечто сопротивляющееся нашим замыслам и предположениям о принципиальной доброжелательности мироздания, в котором мы пребываем» [6:38].

Автор трактует эту категорию в двух аспектах: с одной стороны – это *субъективное Зло*, то есть зло внутри отдельно взятого человека, омертвельность и внутренняя опустошённость (в таком виде оно персонафицировано через образы Князя в «Избраннице», Рыбника в «Тиле Уленшпигеле», жителей планет в «Маленьком принце»). С другой – это *Зло объективное*, которое, преломляясь сквозь призму универсального художественного видения композитора, приобретает разные оттенки: Зло насилия (Князь в «Избраннице»), Зло войны (фашисты в «Альпийской балладе»), Зло власти (Филипп и инквизиция в «Тиле Уленшпигеле»), Зло вселенское (баобабы в «Маленьком принце»).

Значимость для Е. Глебова избираемых «мотивов» нашла подтверждение и в создании «образов-двойников» в жанре симфонической поэмы, в той или иной мере отражавших *единый мифолог*.

Обращаясь к «Кургану» Я. Купалы, нельзя обойти область белорусского культурного наследия, как *графическая купалиана*. Это одна из самостоятельных и жизнеспособных тем белорусского изобразительного искусства XX века. Формируясь на протяжении десятилетий, эта тема заявила о себе не только кругом почитателей поэзии великого белорусского поэта, но и способствовала росту профессионального мастерства череды авторов, многие из которых стали знаменитыми художниками, активными борцами за прогрессивные идеи своего времени.

Как уже говорилось ранее, стержневой темой в поэме «Курган» Я. Купалы является Гусляр, он защитник Правды и жертва борьбы за нее. Так, двадцать иллюстраций А. Кошкуревича к поэме ставят акценты на использование «крупного плана» с точными психологическими акцентами в обрисовке положительных и отрицательных персонажей.

В интерпретации В. Шеранговича трагизм и эпичность поэм «Курган» и «Могилы» решены иными средствами. Здесь и философское обобщение, и художественная выразительность. Символами силы и мощности народного духа предстают и образы Гуслияра и Машеки, обретая монументально-эпическое звучание старинной поэмы о героях, отдающих свою жизнь в пользу правды. Очевидно, что в такой трактовке Гуслияра – человек сильный и величественный, он пройдет сквозь все препятствия, не пугаясь смерти. Поэтому Поэт воспринимается как метафора борца за свободу и независимость. Именно такими остаются борцы в памяти народа, так как они несут слова-призывы к борьбе против угнетателей.

В иллюстрациях к поэме «Курган» М. Басалыги, образ Гуслияра трактуется в форме белого креста в окружении фигур охранников. Песнярь-святой Белый крест – метафора «идушего на муки» во имя народы. Сюжет из библии, но в новых исторических условиях автор ставит вопрос о роли Художника в жизни общества, и приемы метафоры позволяют глубже почувствовать главную идею поэмы. Поэтому и действие происходит как бы на шахматной доске, где пол в комнате князя расчерчен на квадраты. Идет игра не на жизнь, а на смерть.

Драматическая поэма «Курган» привлекала и других творческих людей. Так, в 1960 году И. Лученок написал кантату для хора, солистов и симфонического оркестра «Курган». Позже, в 1980 г., поэма Я. Купалы, музыка И. Лученка и обработки В. Мулявина воплотились в новую белорусскую рок-оперу «Курган» (ансамбль «Песняры»). А тридцать лет спустя новое музыкальное прочтение этой темы предлагает белорусский поэт А. Скоринкин. По его инициативе и при непосредственном участии недавно записан и выпущен диск с рок-оперой.

Таким образом, основной для творчества Е. Глебова становится идея *преодоления и сопоставления*, которая объединяет не только всё балетное творчество этого периода, но и включает в свою орбиту симфонические жанры, в частности, Вторую, Третью и Четвёртую симфонии, лежащие в русле *концепционного симфонизма*.

Симптоматичен уже сам выбор композитором литературных первоисточников, в сюжетах которых присутствует глубинная символическая духовная вертикаль. Эти сюжеты обладают специфическим *внетекстовым пространством*, где обнаруживается устремлённость человеческой души сквозь драматические жизненные коллизии в сферу высшей духовности. Поэтому совершенно не случайно обращение Е. Глебова к поэмам белорусского классика Я. Купалы.

Концентрация в либретто идей первоисточника, их укрупнение, которое по аналогии с В. Цендровским мы назовём «концентрацией обнажения», способствует высвечиванию глубинного смысла, заключённого в *христианском мифокоде*, следуя которому композитор осознаёт смерть с позиций христианской идеи *жертвенности*. Современники художника, безусловно, не могли выдвигать этот «мотив» в манифестных формах, однако именно данный проступает сквозь контуры на первый взгляд далёких друг от друга исторических, фольклорных, сказочных сюжетов. Христианский мифокод, проявляясь, прежде всего, на сюжетном уровне принимает в структуру музыкального текста по разным каналам: жанровому, образно-сюжетному, драматургическому, языковому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барысенка, В. Хрысціянскія матывы беларускай паэзіі пачатку XX ст. / В. Барысенка // Літаратуразнаўства. Этналогія: Матэрыялы IV Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін» (Мінск, 6 - 9 чэрвеня 2005 г.) / пад рэд. І. Багдановіч, Т. Валодзінай. - Мінск: Лімарыус, 2010. - С. 18 - 23.
2. Тычко, Г. Хрысціянскі свет паэзіі Янкі Купалы / Г. Тычко // Наша вера. — 2007. — № 3. — С. 47—50.
3. Конан, М. Хрысціянскія каштоўнасці беларускай літаратуры / М. Конан // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гіст. НАНБ; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. - Гродна : ГрДУ, 2008. — С. 397 – 405.
4. Конан, У. М. Хрысціянская філасофія жыцця ў творчасці Якуба Коласа / У. М. Конан // Янка Купала і Якуб Колас у сістэме дзяржаўна-культурных і духоўна-эстэтычных прыярытэтаў XXI стагоддзя : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 26-27 верасня 2007 г. / рэдкал.: В. А. Максімовіч (наук. рэд.) [і інш.]; Ін-т літаратуры імя Я. Купалы НАН Беларусі. — Мінск : Права і эканоміка, 2007. — С. 194—202.
5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой // Дж. Кэмпбелл. - М.: Ванлер, Рефл-Бук, АСТ, 1997. – 384 с.
6. Рассел, Дж. Дьявол. Восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства // Дж. Рассел. — СПб.: Изд. группа «Евразия», 2001. - 408 с.
Налівайка, Л. Гусляр – метафара паэта / Л. Налівайка // Пра час «Узвышша» / навук. рэд. М. І. Мушынскі. — Вып. 4: матэрыялы Узвышшаўскіх чытанняў (Мінск, 2007) / уклад.: Г. В. Запартыка, У. Г. Кулажанка. - Мінск : РІВШ, 2008. — С. 131 – 135.
7. Вальчук, А.В. Біблейскія вобразы і матывы ў паэзіі Янкі Купалы і іспанскіх неарамантыкаў (Х.Р. Хімэнэса, А. Мачада, Ф.Г. Лоркі) / А.В. Вальчук // Янка Купала і Якуб Колас у сістэме дзяржаўна-культурных і духоўна-эстэтычных прыярытэтаў XXI стагоддзя : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 26-27 верасня 2007 г. / рэдкал.: В. А. Максімовіч (наук. рэд.) [і інш.]; Ін-т літаратуры імя Я. Купалы НАН Беларусі. — Мінск : Права і эканоміка, 2007. — С. 77-82.
8. Мятліцкая, Г.М. Хрысціянскія вобразы-сімвалы ў паэзіі Янкі Купалы нашаніўскага перыяду / Г.М. Мятліцкая // Мастацкі свет Янкі Купалы: класічна-анталагічнае і непаўторна-індывідуальнае: VIII Міжнародныя Купалаўскія чытанні: матэрыялы VII Міжнародных Купалаўскіх чытанняў, Мінск, 26-27 чэрвеня 2007 г. / рэдкал.: В.П. Рагойша (рэд. гал.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 115 - 119.
9. Петрушкевіч, А.М. Біблейскія матывы ў ранніх паэмах Янкі Купалы / А.М. Петрушкевіч // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гіст. НАНБ; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. - Гродна : ГрДУ, 2008. — С. 420-424.
10. Шаладонава, Ж. Маральна-эстэтычнае крэда мастака ў поэме Янкі Купалы «Курган» / Ж. Шаладонава // Пра час «Узвышша» / навук. рэд. М. І. Мушынскі. — Вып. 4: матэрыялы Узвышшаўскіх чытанняў (Мінск, 2007) / уклад.: Г. В. Запартыка, У. Г. Кулажанка. - Мінск : РІВШ, 2008. — С. 171-177.

11. Шаладонава, Ж. Рамантычны ракурс канфлікту ў паэме Янкі Купалы «Магіла льва» / Ж. Шаладонава // Мастацкі свет Янкі Купалы: класічна-анталагічнае і непаўторна-індывідуальнае : VIII Міжнар. Купалаўскія чытанні – навук. канф., Мінск, 26–27 чэрв. 2007 г.: да 125-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы / [уклад. А. У. Бурбоўская ; рэдкал.: В. П. Рагойша і інш. – Мінск, 2009. – С. 158 – 162.

УДК 821.161. 2

Касян Л.Г.
(Київ, Україна)

СВОЕРІДНІСТЬ ОРГАНІЗАЦІЇ ОПОВІДІ У АВТБІОГРАФІЧНО-МЕМУАРНІЙ ПРОЗІ УКРАЇНСЬКИХ ШІСТДЕСЯТНИКІВ

Стаття присвячена розгляду особливостей організації оповіді у автобіографічно-мемуарній прозі українських шістдесятників. Проводиться аналіз структури творів, з'ясовується специфіка зв'язків між частинами текстів, функції пам'яті у побудові цілісної і самотульної мемуарної оповіді.

Ключові слова: шістдесятники, мемуари, автобіографія, оповідь, розділ-епізод, функції пам'яті.

Статья посвящена рассмотрению особенностей организации повествования в мемуарно-автобиографической прозе украинских шестидесятников. Проводится анализ структуры произведений, рассматривается своеобразие связей между частями текстов, функции памяти в построении целостного и самобытного мемуарного повествования.

Ключевые слова: шестидесятники, мемуары, автобиография, повествование, раздел-эпизод, функции памяти.

The article considers peculiarities of the narrative in autobiographical memoir-prose of Ukrainian Sixties. The author analyzes the structure of texts, studies identity links between their parts, memory function in a coherent and original memoir narrative structure.

Key words: the sixties, memoirs, autobiography, narrative, paragraph-episode, memory function.

Значний масив корпусу української мемуаристики кінця ХХ початку ХХІ ст. становлять автобіографічно-мемуарні твори українських шістдесятників. Найбільш репрезентативними зразками жанру є «Спогади і роздуми на фінішній прямій» І. Дзюби, «Книга споминів» М. Коцюбинської, «Ното feriens» І. Жиленко, «Шістдесятники поза пафосом» Р. Корогодського, «Люди не зі страху» С. Кириченко, «З живучого племені Дон Кіхотів» Н. Світличної, «Сад житейських думок, трудів та почуттів» В. Шевчука, «Не тільки про себе» Б. Гориня.

© Касян Л.Г., 2012